

УДК 811.512.3

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-68-83

Тюрко-монгольские параллели в составе названий диких копытных животных и охоты на них в монгольских языках*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)

© *Рассадин Валентин Иванович*

доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: rassadin17@mail.ru

© *Трофимова Светлана Менкеновна*

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: trofimovasm@mail.ru

© *Тувшинтогс Бембжав*

кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка и литературы АН Монголии
Монголия, 210351, г. Улан-Батор, пл. Жукова, 54а
E-mail: b.hkaliuna@yahoo.com

В сравнительно-историческом аспекте рассматриваются термины одной из важнейших отраслей традиционной хозяйственной деятельности монгольских народов — занятия охотой ради добывания мясной пищи. Для исследования привлекаются охотничьи термины из современных халха-монгольского, бурятского и калмыцкого, а также старомонгольского письменного языков, отражающие как названия самих объектов мясной охоты, так и названия способов и приемов охоты, орудий лова и приспособлений, применяемых во время охоты. Весь монгольский материал сопоставляется с таковым материалом из тюркских языков на предмет выявления тюркских параллелей к соответствующим монгольским терминам, по возможности дается этимологический анализ выявленных параллелей. В результате исследования авторы статьи пришли к выводу, что монгольские племена, издавна занимаясь охотой на своей прародине, выработали довольно разветвленную охотничью терминологию, которую сохранили в своих языках и после того как продвинулись на запад и ассимилировали часть местных тюркских племен, переняв у них не только навыки ведения кочевого степного скотоводства молочного направления, но и усвоив опыт охотничьей деятельности в новых географических условиях, в результате чего монгольская традиционная охотничья терминология обогатилась за счет включения в нее некоторых тюркских терминов.

Ключевые слова: монгольские языки, тюркские языки, сравнительно-исторический ана-

лиз, охотничья терминология, названия диких копытных животных, лесные животные, степные животные, горные животные, боровая дичь, болотная дичь, орудия лова, способы охоты.

Как известно, тюркские и монгольские языки вместе с тунгусо-маньчжурскими языками учеными давно, начиная с Т. Страленберга [19], отнесены к классическим, так называемым алтайским, языкам, родство которых постулируется, но не удается окончательно доказать до сих пор. При изучении этой гипотезы особенно тесные лексические связи выявились между тюркскими и монгольскими языками. Один из классиков алтаистики В. Л. Котвич [9, с. 351] выявил, что в тюркских и монгольских языках существует около 50 % сходных грамматических элементов и около 25 % общей лексики. Такое большое сходство дало основание предполагать существование в древности якобы общего тюрко-монгольского праязыка, который распался впоследствии на тюркские и монгольские языки. В. Л. Котвич, к сожалению, не оставил перечня грамматических и лексических тюрко-монгольских параллелей, и мы должны ему верить на слово. Чтобы реально оценить, насколько широко представлены тюрко-монгольские параллели как в монгольских, так и тюркских языках, необходимо провести тотальное сравнение лексики этих языков, желательно разбив ее на лексико-семантические группы. Это нужно для того, чтобы определить глубину проникновения тюркской лексики в монгольские языки и монгольской — в тюркские. Установление характера тюрко-монгольских параллелей позволило бы отделить взаимную заимствованную лексику от исконно общих лексических алтайских элементов, поскольку алтайская гипотеза до сих пор не решена и находится в стадии всестороннего изучения. Выявление заимствованной лексики и отграничение ее от исконной, гипотетически алтайской, является одной из актуальных и насущных проблем современной алтаистики, имеющей большое научное значение. Это стало возможным в связи с опубликованием 4-томного халха-монгольского [1; 2; 3; 4] и бурятского 2-томного [13; 14] словарей, а также «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [12], что вместе с опубликованными ранее словарями и исследованиями монгольского и тюркского языков позволяет теперь достаточно полно устанавливать круг сопоставляемой тюрко-монгольской лексики.

В данной статье восполним наметившийся пробел в изучении лексики монгольских языков и несколько подробно рассмотрим лексико-семантическую группу, касающуюся одной из древнейших видов хозяйственной деятельности монголов — охоты на диких копытных животных и способов их добычи с целью получения мяса для питания, шкур для одежды и сухожилий для изготовления ниток, используемых при шитье одежды из шкур на предмет выявления здесь тюрко-монгольских параллелей и соответственно связей монгольских и тюркских этносов. Здесь следует коснуться и соотношения данной тематической группы собственно монгольской лексики и заимствованной тюркской, чтобы оценить степень глубины тюркского влияния на монгольские языки. В составе данной тематической группы следует рассмотреть как названия объектов охоты, так и способы и

приемы их добычи.

К объектам охоты относятся разнообразные дикие копытные животные, обитающие в различных географических зонах Центральной Азии, там, где издревле жили монгольские племена по соседству с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими народами. При этом в лесной и лесо-степной зоне обитали лоси, изюбри и маралы, косули, кабарги, кабаны. На севере региона в горной местности обитали, кроме этих животных, также дикие северные олени, горные козлы и горные бараны. В степях и пустынях водились дикие лошади, дикие ослы, джейраны, сайгаки и другие виды антилоп. Кроме того, объектами охоты служили обитающие в степях дрофы, а также тарбаганы и зайцы. Охотились монголы также на боровую и болотную дичь — глухарей и тетеревов, гусей и уток. Рассмотрим их монгольские названия на предмет выявления среди них тюрко-монгольских параллелей.

Так, лось в монгольских языках называется одинаково: халха-монг. *хандгай*, бурят. *хандагай*, калм. *хандга*, стп.-монг. *qandayai*. Это название не имеет параллелей в тюркских языках, где лось называется **bulan* [12, с. 154]. Монгольское название лося *qandayai* совпадает с эвенкийским *кандага* и маньчжурским *кандахан*, которые, вероятно, являются монгольскими по происхождению. Старомонгольское название лося *toki* и халха-монгольское *тохь* являются, по всей видимости, адаптацией тунгусо-маньчжурского *токи* «лось». Термины *анам* «сохатый, лось-самец» и *иргацаан* «годовалый лось», встречающиеся в языке ононских хамниган, считаются заимствованиями из эвенкийского языка (ср. эвенк. *анам* «лось перед спариванием», *иргичаан* «изюбр») [6, с. 88]. Среди многочисленных самобытных бурятских диалектных названий лося встречаются окинское *буйрь*, еравнинское *буйр хандагай* «сохатый, лось-самец». Эти слова, а также халха-монгольское *бойр хандгай* «сохатый, лось-самец», видимо, можно сопоставить с халха-монг., калм. *буур*, бурят. *буура* и др.-тюрк. *буура* «верблюдо-производитель».

Изюбр (марал, сибирский благородный олень) — второе по величине и по распространенности дикое копытное животное, являющееся желанной добычей охотников, халха-монголы обычно называют изюбрей и косуль словом *гөрөөс*, ср. старомонгольское *görügesin*. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» [3, с. 447] это слово переведено как зверь, звери, зверье, дикое животное (преимущественно травоядное); антилопа; четвероногие; тварь. В его генезисе лежит слово *гөрөө* (стп.-монг. *görüge* «охота, звероловство»), *гөрөөлөх* «заниматься охотой, охотиться». В других монгольских языках тоже есть это слово, ср. бурятское *гүрөөхэн* «дикая коза, косуля», в селенгинском говоре бурятского языка *гүрөөл* «дикая коза», бурятское *гүрөөлхэ* «охотиться», в калмыцком языке слово *гөрәсн* означает «антилопа-сайгак, сайгак», а слово *гөрә* означает «охота», *гөрәлх* «охотиться». В бурятском языке общевидовым названием изюбра является слово *тураг*, а также *марал*, в калмыцком языке благородный олень марал носит название *марл*. Кроме того, в монгольских языках представлен и ряд половозрастных названий изюбра: халха-монг., бурят. *буга*, стп.-монг. *buyu* «изюбр, самец», халха-монг. *согоо*, бурят. *ногоон*, стп.-монг. *soyu* «самка изюбра»,

халха-монг. *ил*, бурят. *эли*, стп.-монг. *ili* «новорожденный детеныш изюбра», халха-монг., бурят. *зоргол*, стп.-монг. *ǰoryul* «годовалый изюбр», онон.-хамн. *мутуу* «четырёхлетний изюбр». Похожие слова есть и в калмыцком языке: *буһ* «олень», *соһа* «оленуха», *ил* «оленок», при этом лишь к монгольским словам *марал* «самка изюбра», *буга* «самец изюбра», *соһоо* «самка изюбра» имеются тюркские параллели: ср. слово *марал*, представленное во многих тюркских языках со значениями «лань, самка оленя, самка марала, газель, самка джейрана, серна, горная коза, дикая коза» [18, с. 42–43], др.-тюрк. *бууи* «олень», представленное в ряде тюркских языков в виде *бууи* со значением «олень, самец оленя» [12, с. 152]; др.-тюрк. *сиуин* «марал-самец», зафиксированное с этим же значением во многих тюркских языках [12, с. 152–153], зафиксированное в языке ононских хамниган слово *мутуу* «четырёхлетний изюбр» заимствовано из эвенкийского языка (ср. эвенк. *моты* «лось») [6, с. 88]. Другие термины, бытующие в монгольских языках, самобытны. Относительно монгольских терминов *бууи* и *соуи* следует отметить, что параллели к ним представлены и в тунгусо-маньчжурских языках: ср. маньчж. *буху* «олень; зверь», эвенк. *буг*, *бугэ*, *бугу* «дикий олень», *согон* «зимнее название изюбра», *сэхэн* «матка изюбра». Кроме того, корни *сэг-, *сог- прослеживаются также и в эвенкийских терминах *сэгден* «изюбр» и *согде* «дикий олень». Таким образом, основные термины *бууи* и *соуи* имеют соответствия во всех алтайских языках и могут считаться древнейшими.

Не менее желанной для охотников и распространенной добычей в лесных и лесостепных краях является также косуля, которую халха-монголы называют, как уже говорилось, *гөрөөс* или *бор гөрөөс*, а буряты — *гүрөөһэн*. Хотя в калмыцких степях косули не водятся, в калмыцком языке есть ее название — *зерлг яман*, что буквально означает «дикая коза». Иногда ее называют *гөрэсн*, хотя этот термин принят в калмыцком языке для названия антилопы-сайгака. В бурятском языке и его говорах представлены различные сезонные и половозрастные термины для косули: лит. бурят. *боро гөрөөһэн* «зимняя косуля», *улаан гөрөөһөн* «летняя косуля», *зүр*, *хуурай* «самка косули», *гуран* «самец косули», *инзаган* «детеныш косули», эхир.-булаг. *арйаа гуран* «старый самец косули», окин. *зуһаг зүр* «двухлетняя косуля», хор. *улаан дай* «самка косули до одного года». В других монгольских языках нет такого разнообразия терминов, как это видим в бурятском языке. Кроме халха-монг. *гөрөөс* «изюбр, косуля, антилопа», калм. *гөрэсн* «антилопа-сайгак» и стп.-монг. *görügesün* «антилопа; дичь; дикое животное» представлены еще халха-монг. *зүр* «самка косули», калм. *зүр* «косуля», стп.-монг. *ǰür* «антилопа, сайгак», халха-монг. *гур*, калм. (элют.) *һур*, стп.-монг. *үран* «самец косули», халха-монг. *янзага* «козленок косули, антилопы», калм. *инжихэ* «новорожденный сайгаченок», стп.-монг. *inǰayan* «детеныш антилопы». Эти термины, по сути, являются общемонгольскими. Бурятское название самки косули *хуурай*, видимо, заимствовано из эвенкийского языка, в котором отмечены слова *коораай* «дикая коза», *корей* «кабарга; дикая коза», *курейка*, *корейка* «дикий олень». Есть мнение, что в эвенкийском языке это бурятское заимствование [10, с. 128], хотя ограниченность распространения

этого слова в монгольских языках одним бурятским заставляет предполагать обратное. Монгольскому термину *guran* «дикий козел, самец косули» соответствуют эвенк. *гуран* «дикий козел», маньчж. *гуран* «сайгак», алт. *куран* «самец косули». Все они тоже считаются монгольскими заимствованиями [10]. С монгольским *görügesün*, видимо, связано этимологически маньчж. *гургу* «зверь, всякое животное, покрытое шерстью». В тюркских языках, кроме алтайского *куран*, используются другие термины: ср. др.-тюрк. *kejik* «олень, лань; зверь вообще», *elik* «самка серны, дикой козы», *külmüz* «самец серны, дикой козы», которые представлены и в других тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [12, с. 151–152, 153–154].

В северной части Монголии, в горно-таежной местности, обитает особая разновидность карликового оленя — кабарга. Хотя она из породы оленей, но не имеет рогов, а самцы отличаются тем, что имеют верхние длинные саблевидные клыки и особую мускусную железу, которую по-русски называют струей. В монгольских языках кабарга имеет единое название: ср. халха-монг. *хүдэр*, бурят. *хүдери*, калм. *күдр*, стп.-монг. *küderi*. В говорах бурятского языка представлены как другие общие названия кабарги, так и ее половозрастные названия. Так, зафиксированы следующие: эхир.-булаг. *бэдээхэй*, тунк. *бадангаа*, *бадангай* «кабарга», окин. *эмэ хүдэри*, еравн. *бэдээхэй*, тунк. *үнгэлөөгүй бадангаа* «самка кабарги», окин. *эрэ хүдэри*, тунк. *үнгэлөөтэй бадангаа* «самец кабарги», хор. и лит. бурят. *зуһаг хүдэри* «двухлетняя кабарга», лит. бурят. *инзаган хүдэри*, окин. *эрээлзэй*, *эрээдзэгэй* «детеныш кабарги». В халха-монгольском языке тоже фиксируется термин *зусаг хүдэр* «двухлетняя кабарга». Компонент *зусаг* при этом взят из животноводческой лексики и означает «двухлетний (о козах, овцах)» (< *зуса* = «проводить лето» < *зун* «лето»), не имеют соответствий слова *бэдээхэй* и *бадангаа*. В сочетаниях *үнгэлөөгүй бадангаа* «самка кабарги» (букв. кабарга без струи), *үнгэлөөтэй бадангаа* «самец кабарги» (букв. кабарга со струей) слово *үнгэлөө* означает «мускусная железа кабарги». С этим словом, кстати, совпадает эвенкийское *унгулэ* «самец кабарги». Окинские *эрээлзэй*, *эрээдзэгэй* образованы от общемонгольского прилагательного *эрээн* «пестрый». В халха-монгольском, литературном бурятском и калмыцком языках кабарговый мускус везде называется *заар*, что имеет соответствия в старописьменном монгольском *йүар*. В тюркских языках соответствий нет. Здесь можно упомянуть, например, тувинское и тофаларское *тооргу* «кабарга», *хин* «струя кабарги», что соответствует древнетюркскому *kin* «мускус», а также тофаларские *аскыр*, *азыглыг* «самец кабарги», *эшки* «самка кабарги», *анһай* «детеныш кабарги», *хин* «струя кабарги». Кстати, старомонгольское *йүар* можно сопоставить с др.-тюрк. *йираг* «мускус; запах, аромат».

Объектом охоты был также дикий кабан, обитающий в лесной местности и носящий в халха-монгольском языке название *хаван(э)*, в старомонгольском письменном — *qabaŋ*. В бурятском языке он называется *бодон гахай*, в калмыцком — *бодң*, *бодң хаха*. Халха-монгольское *бодон(э)* означает «самец дикого кабана, вепрь», бурятское *бодон(э)* и калмыцкое *бодң*, как и старо-

монгольское письменное *boduj*, имеют это же значение. Встречаются и другие названия. Так, в литературном бурятском языке и его восточных говорах дикого кабана называют *зэрлэг гахай* (букв. «дикая свинья»), *ойн гахай* (букв. «лесная свинья»), в западно-бурятских говорах — *ан гахай* (букв. «дикий зверь-свинья»), в калмыцком языке тоже встречается *зерлг хаха*. Эти названия носят описательный характер. В монгольских языках имеются также некоторые половозрастные названия кабана: халха-монг. *мэгж*, бурят. *мэгэжэ*, калм. *мегжэ*, стп.-монг. *megejin* «самка кабана, свиноматка», халха-монг. *ховс*, бурят. *ховһон*, стпм.-монг. *qobusu* «поросенок дикой свиньи в возрасте двух-трех лет», халха-монг. *торой*, закам.; тунк. *торой*, калм. (элют.) *тораа*, стп.-монг. *torui* «поросенок дикой свиньи до одного года»; эвенк. *мэкэдин* «самка кабана», маньчж. *мэхэчжэн* «свиноматка», узб. *мегажин* «самка кабана», кирг. *мегежин*, чагат. *мигечин* «свиноматка, свинья» считаются заимствованиями из монгольского языка [10, с. 116]. Термин *хаван(э)* (стп.-монг. *qabang*), как общее название дикой свиньи, кабана, характерен только для халха-монгольского языка и полностью соответствует тюркскому *qaban*, означающему «самец дикого кабана», а также кабана вообще. Это слово широко представлено в тюркских языках и восходит к тюркской праформе **ka:pan*, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [12, с. 156]. Ограниченное бытование этого слова в монгольских языках свидетельствует о его заимствовании из тюркских языков.

Дикий северный олень, обитающий в горной и горно-таежной местности, богатой ягелем, оленьим мхом, достаточно редко являлся объектом мясной охоты. В монгольских языках для него четко разработанной половозрастной терминологии и единого видового названия нет. Удалось выявить лишь следующие термины: халха-монг. *цаа буга*, *цаа гөрөөс*, калм. (устаревшее *цаа*), стп.-монг. *ца бууи*, *ца гөрүгесүн*, зап.-бурят. *ан саһаан*, окин. *ойн саһаан*, лит. бурят. *ойн саһаан орон* «дикий северный олень». Название *саһаан* в западных бурятских говорах означает также «домашний северный олень» и связано с прилагательным *саһаан* «белый» (ср. халха-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.монг. *цауан* «белый») и является описательным названием. О термине *бууи* сказано выше. Халхаский компонент *саа*, старомонгольский *ца* и калмыцкое название *цаа* этимологически связаны с монгольскими словами *ца-уан* «белый», *ца-сун* «снег», *ца-уи* = «белеть». Монгольский корень *ца* можно сопоставить с корнем *ца*, который находится в составе тюркского слова *ца* «седой, чалый» (ср. др.-тюрк. *ца* «серовато-белый, пепельно-белый, чалый»). Лит. бурят. *орон* «домашний северный олень» заимствовано, по всей вероятности, из тунгусо-маньчжурских языков, как и халха-монгольское *ор*, стп.-монг. *ори* «домашний северный олень», ср. эвенк. *орон* «домашний олень».

Горный козел, обитающий в скалистых горах, в монгольских языках имеет следующие видовые названия: халха-монг. *тэх*, *янгир*, *янгир ямаа*, лит. бурят. *янгир ямаан*, тунк. *тэхэ ямаан*, стп.-монг. *janggir*, *janggir imayan*. Как халхаское слово *тэх*, так и бурятское *тэхэ* имеют значение «самец горного козла», старомонгольский термин *теке* означает «горный козел» и «домаш-

ний козел-производитель». В калмыцком языке *тек* означает только «козел-производитель». Халха-монг. *ямаа*, бурят. *ямаан*, стп.-монг. *imaγan* означают как «самка дикого горного козла», так и «домашняя коза». В калмыцком языке словом *яман* называют домашнюю козу. Козленка как дикого горного козла, так и домашней козы называют одинаково: халха-монг. *ишиг*, бурят. *ишэгэн*, стп.-монг. *išigen*. В калмыцком языке *ишк* означает только «домашний козленок». Здесь монгольскому *teke* соответствует древнетюркское *tekä* «козел». Это слово широко представлено во всех тюркских языках с этим же значением «козел» и имеет тюркский архетип **täkä* «домашний козел-производитель» [12, с. 428], где утверждается, что тюркское **täkä* означает «домашний козел-производитель». Можно не согласиться с этим, поскольку из примера: *qajada joriyli bu imya tekä / qutulmaz seniñdin aj ersig bögä* «эти лазающие по скалам козы и козлы / не спасутся от тебя, о мужественный богатырь!», взятого из древнеуйгурского сочинения «Кутадгу билиг» (каирский список) и приведенного в качестве иллюстрации к слову *tekä* в «Древнетюркском словаре» [7, с. 550], можно видеть, что богатырь охотился в горах не на домашних коз и козлов, а на диких, поэтому у древнетюркского *tekä* закономерно предположить еще значение «дикий горный козел». Тофаларское *тэһе* и алтайское *тик* означают «дикий горный козел», в казахском он называется *тау-теке*. Тюркской параллелью к монгольскому *imaγan* могут служить др.-тюрк. *imya* «коза», *jimya* «самка дикого горного козла», представленные в ряде тюркских языков в виде *ымга*, *ыма*, *умга*, *дюмга*, *чуңма* со значениями «самка дикого горного козла, козерог, горный дикий козел» [12, с. 155]. Здесь же приводится тюркский архетип этого слова **jimya* «самка горного козла» и говорится о его возможной генетической связи с монгольским *imaγan*. К монгольскому *ишиген* «козленок» тюркской параллелью, по всей видимости, является др.-тюрк. *ečki*, *ečkü*, *keči* «коза», представленное также во многих тюркских языках в виде *эчки*, *эшки*, *өчкү*, *өшкү* для общего называния как домашней козы, так и самки козы [12, с. 426–427], где приводится архетип этого тюркского слова в виде **äčkä* (> *äčki*) «самка козы», а монгольская форма *ишиге* тоже производится от якобы общего тюрко-монгольского прототипа **äčkä*, давшего тюркскую форму *äčki*.

Общим названием дикого горного барана, также обитающего в скалистых горах, в бурятском языке является *аргали*, в халхаском языке словом *аргаль*, как и в старомонгольском *aryali*, называют как дикого горного барана вообще, так и его самку, в калмыцком языке *арһл* — «самка горного барана». Халхаское слово *угалз*, как и старомонгольское *uγalǰa*, известно как название самца дикого горного барана, архара. Возможной тюркской параллелью к монгольской форме *аргали* может явиться др.-тюрк. *arqar* «архар, аргали, горный баран», бытует в некоторых тюркских языках со значением «горный баран» (общее название), а в ряде тюркских языков — со значением «самка горного барана», тюркский архетип которого восстанавливается в виде **arkar* [12, с. 155], здесь тоже предполагается его генетическая связь с монгольской формой *aryali*.

Издrevле как тюрки, так и монголы охотились также на различных диких копытных животных, обитающих в степях и полупустынях Центральной Азии, к которым относились дикие лошади, дикие ослы, джейраны, сайгаки и ряд других антилоп.

Халха-монг. *тахь*, стп.-монг. *taki*, калм. *тэк* «дикая степная лошадь, лошадь Пржевальского» не фиксируется в других монгольских языках, потому что данное животное водится только в степях Монголии. К этому слову нет и тюркских параллелей.

Дикий осел или кулан, водившийся прежде в степях Монголии, в монгольских языках носит однотоипное название: ср. халха-монг., бурят. *хулан*, калм. *хул*, стп.-монг. *qulan*, переводится в словарях этих языков как «дикая лошадь, кулан». Это монгольское слово полностью совпадает с др.-тюрк. *qulan* «кулан, дикий азиатский осел», которое в этой же форме и с этим же значением представлено почти во всех тюркских языках и имеет тюркский архетип в форме **kulan* «дикий осел» [12, с. 155–156]. Здесь же предполагается, что в тюркских языках это раннее заимствование из монгольского **kulan* [12, с. 156]. А. М. Щербак считает слово «кулан» исконно тюркским [15, с. 95]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» предполагается, что в генезисе этого слова, возможно, лежит тюркское прилагательное *qula* «саврасый», ср. стп.-монг. *qula* id.

Антилопа джейран, газель в монгольских языках носят однотоипное название: халха-монг. *зээр*, бурят. *зээрэн*, калм. *зеерн*, стп.-монг. *ǰegeren*. Тюркской параллелью к этому монгольскому слову могут служить формы *ǰерен*, *ǰеран*, *дьеерен*, *чеерен*, *ǰейрен*, *ǰейран*, *ǰайран*, *ǰегрен* и т. п., широко представленные в тюркских языках, о чем свидетельствует «Этимологический словарь тюркских языков» [16, с. 24–25], означающие главным образом «газель, джейран, серна, антилопа, косуля, лань». Авторы этого тюркского словаря приводят разные мнения относительно этимологии данного тюркского слова: одни считают, что форма джейран попала в тюркские языки из персидского, куда пришло из монгольского, другие считают, что формы *ǰерен*, *ǰегрен* и т. п. попали в тюркские языки из монгольского, монгольскими по происхождению тюркские варианты названий джейрана считает и А. М. Щербак [15, с. 133], а тунгусо-маньчжурскими (например, маньчж. *чжэрэнь*) считает А. Н. Новикова [10, с. 127], но все согласны с тем, что в генезисе этого тюрко-монгольского слова, называющего джейрана, лежат др.-тюрк. *egrään* «гнедой, рыжий», стп.-монг. *ǰerde* (ср. халха-монг. *зээрд*, бурят. *зээрдэ*, калм. *зеерд*) «рыжий» (о масти лошади). С этими прилагательными можно сопоставить монгольские и тюркские названия джейрана, аналогично сопоставлению *кулан* «дикий осел» с *хула* «саврасый» и монг. *цаа*, бурят. *саһаан* «северный олень» с *цагаан*, *саһаан* «белый». В принципе к аналогичному мнению приходят и авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика», где по этому поводу сказано следующее: «...приведенные формы, скорее всего, восходят к пратюркскому **jegeren*; остальные... являются заимствованиями из монг. *ǰegeren* — то же — непосредственно или через персидский. Монг. и тюрк.

слова могут быть идентичными наименованию рыжей масти: тюрк. *jeegren*, монг. *jegeren*» [12, с. 154].

Наименования других видов антилоп: бурят. *хадын ооно* «горная серна», халха-монг. *ооно* «самец антилопы дзерена», калм. *оон* «сайгак-самец», стп.-монг. *оуипи* «вид антилопы», не имеют тюркских параллелей. Тувинское *оона* «антилопа джейран» является монгольским заимствованием. Халха-монг., бурят. *оронго* «вид антилопы», стп.-монг. *oringuui* «вид маленькой темной антилопы с длинными плоскими рогами», а также калм. *орңһ* «носорог» тоже не имеют тюркских параллелей.

Другими более мелкими зверьками, на которых охотились монголы, являются тарбаган (сибирский сурок) и заяц. Название первого одинаково представлено в монгольских языках: халха-монг. *тарвага*, бурят. *тарбаган*, калм. *тарвлһн*, стп.-монг. *tarbaγan* «сурок, тарбаган». В монгольских языках и их диалектах также представлены различные половозрастные названия: агин., еравн. *бурхи тарбаган* «сурок, самец», *хотоли* «самка тарбагана», цонг. *хотли*, лит. бурят. *хотоли* «годовалый сурок», *мүндэли* «детеныш сурка до года», халха-монг. *бурхи* «сурок-самец», *хотоль* «двухгодовалый самец тарбагана», *мөндөл* «детеныш тарбагана», в старописьменном монгольском языке — соответственно *burki*, *gotuli*, *mөndүli*. В калмыцком языке эти слова имеют несколько иное значение: калм. *борк* «старый барсук», *хотл* «молодой лось, молодой олень», бытующие в ряде тюркских языков (алтайском, тувинском, хакасском, якутском), слово *тарбаган* «сурок», а также тувинские *мөндөле* «детеныш сурка», *мургу* «самец сурка» являются явно монгольскими заимствованиями. Эти монгольские слова представлены лишь в сибирских тюркских языках, длительное время находившихся под монгольским влиянием. В древнетюркском и других тюркских языках параллелей к этому слову нет.

Заяц, водящийся в лесах и степях Монголии, тоже имеет общемонгольское название: халха-монг. *туулай*, калм. *туула*, стп.-монг. *taulai* «заяц», бурят. *туулай* «заяц-беляк», есть в монгольских языках и другой термин: бурят. *шандаган* «заяц-русак», калм. *чиндһн* «кролик», халха-монг. *чандага*, стп.-монг. *čindaγan* «заяц-беляк», тюркской параллелью к монгольскому *taulai* является др.-тюрк. *tabiřγan* «заяц», что представлено в ряде тюркских языков в форме *тавышкан*, *тавушкан*, *тавшан*, *довшан*, *товшан* и т. п. со значением «заяц» [12, с. 164], где приводится тюркская праформа в виде **tawř-gan* > **tawyl-gan* «заяц». Этимология не ясна.

Объектом охоты у монголов были также из боровой дичи глухари и тетерева, из болотной — гуси и утки, при этом глухарь в халха-монгольском языке называется *сойр*, в бурятском *хойр*, в старомонгольском *soyir*, тетерев в халхаском языке носит название *хур*, в бурятском *хура*, в калмыцком *хур*, в старомонгольском *qur*. Кроме того, в калмыцком языке словом *хор* называют глухаря. К монгольскому слову *soyir* имеется параллель в башкирском и татарском языках, где глухарь называется *һуйыр* и *суер* соответственно. В других тюркских языках нет параллелей. Они есть к монгольскому *qur*, причем бытующее в ряде тюркских языков слово *qur* имеет различные значения в разных тюркских языках. Так, в большинстве языков это слово оз-

начает «тетерев, косач», в некоторых — «глухарь» и даже «куропатка, белая куропатка». В отдельных языках этим словом называют как глухаря, так и тетерева, например в казахском. Об этом тюркском слове и его соответствии с монгольским *qur* см. в «Этимологическом словаре тюркских языков» [17, с. 155–156], где приводятся к нему и тунгусо-маньчжурские соответствия.

Вызывает интерес соответствие башкирского слова *агуна* «куропатка» бурятскому *ахууна*, которое тоже означает «куропатка». Кроме того, это бурятское слово имеет и значение «гагара». Халха-монг. *ахууна*, калм. *ахун*, стп.-монг. *агауун-а* означают «гагара».

Гуси и утки тоже имеют в монгольских языках собственные названия: халха-монг. *галуу*, бурят. *галуун*, калм. *галун*, стп.-монг. *γалауун* «гусь», халха-монг. *нугас*, бурят. *нугахан*, калм. *нухсн*, стп.-монг. *ниγусун* «утка». Эти слова не имеют тюркских параллелей, поскольку их можно этимологизировать на монгольской почве. Так, *γалауун* можно разложить на морфемы: *γа-ла-уун*, где компонент *γа-*, возможно, является словом, подражающим гоготанию гусей (ср. напр., халха-монг. *гааг ггааг, гаага гаага* — подражание карканью ворон, кудахтанию кур, в словаре дан их перевод «кар-кар, га-га» [1, с. 324], отсюда глаголы *гааглах, гаагалах* «каркать, кудахтать; кричать, орать», калм. *гааг-гааг* «кар-кар», *гаагл* «каркать»), компонент *ла-* — глагольный словообразовательный аффикс, *а=уун* — аффикс древнего монгольского отглагольного прилагательного или причастия, это слово могло первоначально означать «гогочущий», что и дало впоследствии значение «гусь» в результате лексикализации определения гуся по его характерному признаку — особому крику. Слово *ниγусун*, по всей вероятности, образовано от общемонгольского существительного *ниγи* «луг» при помощи общемонгольского словообразовательного аффикса *-сун*, образующего существительные по их характерному признаку. Тюркских параллелей к этим монгольским словам нет. Ср. др.-тюрк. *qaz* «гусь», *ödiräk* «утка», широко представленные во всех тюркских языках [12, с. 171, 172].

Монгольские племена, издревле обитавшие в лесостепных, лесных и горных районах восточной части Центральной Азии по соседству с тунгусо-маньчжурскими племенами, довольно рано продвинулись в центральные районы Центральной Азии и столкнулись здесь с тюркскими племенами, частично включив их в свой этнический состав, а частично оттеснив их далее на запад в пределы Средней Азии. Ассимилировав часть тюркских племен, монголы переняли у них навыки ведения кочевого скотоводства молочного направления, а вместе с тем и опыт охоты в степной местности. Будучи по происхождению лесными племенами, монголы, став скотоводами, в то же время не забывали и своего древнего занятия охотой. Б. Я. Владимирцов отмечал, что «монгольские кочевники-скотоводы сохранили многое от охотничьего быта» [5, с. 35] и многие факты «позволяют видеть в монголе древней эпохи не просто номада, а кочевника-охотника» [5, с. 4]. Таким образом, монгольские племена, освоив новые территории, соединили свои традиционные навыки ведения охотничьего хозяйства с новыми приемами и способами охоты, усвоенными от местных тюркских племен, поэтому в монгольских языках наблюдается смешение монгольских и тюркских охот-

ничьих терминов. Рассмотрим эти монгольские термины и выясним, какие из них имеют тюркские параллели.

Так, в халха-монгольском языке выявились следующие охотничьи термины: *ан(г)* «зверь; зверек, зверье; дичь; охота» (стп.-монг. *ang* «зверь, дикое животное, дичь; охота»), *агнах* «охотиться» (*anglaqu~angnaqu id.*), *ан агнах* «заниматься охотой, охотиться, вести звероловный промысел» (стп.-монг. *ang angnaqu id.*), *анчин* «охотник, зверолов, ловец» (стп.-монг. *angčín id.*), *анч нохой* «охотничья собака» (стп.-монг. *angčí noqai id.*), *анчилах* «охотиться, заниматься охотой, звероловством» (стп.-монг. *angčilaqu id.*), *ангуучин* «охотник» (стп.-монг. *angyučín id.*), *ангуучлал* «охота» (стп.-монг. *angyučilal id.*), *ангуучлах* «охотиться» (стп.-монг. *angyučilaqu id.*), *гөрөө* «охота, звероловство» (стп.-монг. *görüge* «охота; дичь»), *ан гөрөө* «охотничий промысел» (стп.-монг. *ang görüge id.*), *ан гөрөө хийх* «охотиться» (стп.-монг. *ang görüge kikü id.*), *гөрөөл*, «звероловство» (стп.-монг. *görügel id.*), *гөрөөлөх* «заниматься охотой, охотиться» (стп.-монг. *görügelekü id.*), *гөрөөлч* «зверолов, охотник» (стп.-монг. *görügelči id.*), *гөрөөчин*, «охотник, ловец, зверолов» (стп.-монг. *görügečín id.*), *гөрөөчлих* «охотиться» (стп.-монг. *görügečilekü id.*), *гөрөөсч* «охотник на диких копытных животных, зверолов» (стп.-монг. *görügesüči id.*), *булгачин* «охотник на соболей, соболевщик» (стп.-монг. *bulayačín id.*), *булгач нохой* «собака, натасканная на соболей» (стп.-монг. *bulayači noqai id.*), *булгачлах* «охотиться на соболей, соболевать» (*bulayačilaqu id.*), *хэрэмчин* «охотник на белок, белковщик» (стп.-монг. *ang keremüčín id.*), *хэрэмч нохой* «собака, натасканная на белок» (стп.-монг. *keremüči noqai id.*), *хэрэмчлэх* «охотиться на белок, белковать» (стп.-монг. *keremüčilekü id.*), *тарвагачин* «охотник на тарбаганов» (стп.-монг. *tarbayāčín id.*), *тарвагалах*, *тарвагачлах* «охотиться на тарбаганов» (стп.-монг. *tarbayālaqu, tarbayāčilaqu id.*), *тарвага утах* «выкуривать тарбагана из норы», *ав* «облава, облавная охота» (стп.-монг. *aba* «охота, облава»), *авлах* «охотиться группой; производить, устраивать охоту, облаву, травить (окружать) зверя» (стп.-монг. *abalaqu id.*), *авлачихах* «охотиться группой» (стп.-монг. *abalačiqaqu id.*), *урам* «охотничий рог, вабик, манок (для приманки изюбра)» (стп.-монг. *urim id.*), *урамдах* «приманивать звуком охотничьего рога, вабить; приманивать манком зверя, подражать крику зверя (на охоте)» (стп.-монг. *urimdaqú id.*), *урхин* «силки, петля, ловушка» (стп.-монг. *uraq-a id.*), *урхидах* «поймать силками, петлями» (стп.-монг. *uraqadaqu id.*), *урхилах* «ловить силками, надевать петлю» (стп.-монг. *uraqalaqu id.*), *урхич* «ловец силками, охотник, ставящий ловушки» (стп.-монг. *uraqāči id.*), *тоор* «волосяные силки; тенёта, ловчая сеть» (стп.-монг. *toor id.*), *занга* «западня, ловушка, мышеловка, капкан» (стп.-монг. *jangyu id.*), *зангадах* «ставить ловушку ловить в капкан» (стп.-монг. *jangyúdaqú id.*), *хавх* «капкан, ловушка» (стп.-монг. *qabq-a id.*), *хавхдах* «ловить капканом» (стп.-монг. *qabqadaqu id.*), *гэтэх* «красться, подкрадываться, подстергать» (стп.-монг. *getekü id.*), *мөрдөх* «выслеживать, идти по следу, преследовать» (стп.-монг. *mördekü id.*).

Не менее разнообразна охотничья терминология и в бурятском языке: *ан(г)* «зверь», *ан агнаха* «охотиться на зверей», *агнаха* «заниматься ловлей

(зверей, птиц, рыбы)», *агналга* «охота, ловля», *агнуури* «промысел, охота, ловля», *агнуушан* «диал. охотник», *агнууша нохой* «охотничья собака», *агнуушархаха* «диал. охотиться», *ангууша хүн* «охотник», *ангууша нохой* «охотничья собака», *ан гүрөөл агнаха* «охотиться на зверей», *гүрөөлхэ* «охотиться», *гүрөөһэшэлхэ* «охотиться на диких коз», *гүрөөһэлхэ* «охотиться на косуль», *булгаша* «охотник на соболей», *булгашалха* «охотиться на соболя», *булгаша нохой* «собака, натасканная на соболей», *хэрмэшэн* «охотник на белок», *хэрмэшэ нохой* «собака-бельчатница», *хэрмэшэлхэ* «охотиться на белок, белковать», *тарбага агнаха*, *тарбагашалха* «охотиться на сурков, тарбаганов», *турбага утаха* «выкуривать тарбагана из норы», *тарбагашан* «охотник на тарбаганов», *аба* «облава, охота; ловля; травля (зверей)», *абалха* «устраивать облавную охоту, травить зверей, охотиться облавой», *абалалан* «травля, облава», *абалалга* «облава, облавная охота», *зэгэтэ*, *зэгэтэ аба* «облавная охота», *урам* «манок (для приманивания изюбра)», *урамдаха* «приманивать манком», *шэбшүүр*, *шэбшүүхэй* «манок на кабаргу, коз, изюбра», *шэбшүүрдэхэ* «приманивать манком», *урьха* «силок, петля, ловушка», *урьхадаха* «ловить силками», *занга* «западня, ловушка, капкан; мышеловка», *хабхаан*, *хабха* «капкан, ловушка», *хабха табиха* «ставить капканы», *гэтэхэ* «подкарауливать, следить, подсматривать», *гэтэжэ* *хууха* «подкарауливать, подстергать, сидеть в засаде», *гэтэжэ* *ябаха* «высматривать, выслеживать», *мүрдэхэ* «идти по следам, преследовать; выслеживать».

Хотя современные калмыки живут в степной безлесной местности, в южном регионе России, но и у них в языке сохранился ряд охотничьих терминов как память о прежнем охотничьем быте: *аң* «зверь», *аңнх* «охотиться», *аңһуч* «охотник», *аң аңнх* «охотиться на зверей», *нуһс аңнх* «охотиться на уток», *арат аңнх* «охотиться на лис», *керм аңнх* «охотиться на белок», *буһһ аңнх* «охотиться на соболей», *гөрэ* «охота на диких зверей», *гөрэлх* «охотиться на диких зверей», *ав* «облава», *делгү ав* «облавная охота; облава», *авд һарх* «выходить на облаву», *авлх* «охотиться группой, устраивать облаву, окружать (зверя)», *авлһн*, *аарглһн*, *ээрлһн* «облава; засада, оцепление», *тоор* «клетка, сетка для ловли птиц», *урх* «силок, петля, ловушка, западня», *урхар аңнх* «охотиться с силками», *хавх* «капкан», *хавх тэвх* «ставить капкан», *хавх торх* «попасть в ловушку», *гетх* «подсматривать, следить; красться, подкрадываться; подстергать, подкарауливать», *гетэд йовх* «высматривать, выслеживать; идти крадучись, осторожно пробираться», *гетэд өөрдх* «подкрадываться», *гетэд суух* «подкарауливать, подстергать, сидеть в засаде», *мөрдх* «идти по следам, преследовать, выслеживать», *аң мөрдх* «выслеживать зверя» [8].

Среди этого многообразия охотничьих терминов в монгольских языках лишь некоторые имеют тюркские параллели. Прежде всего это общемонгольская лексема *ан(г)* «зверь; дичь; охота» и производные от нее слова *анчин* «охотник», *ангуучин* «охотник», *агнах* «охотиться» (< *angnaqu* < *anglaqu*). В древнетюркском языке им соответствуют *аңċī* «охотник на дичь» и *аңдī* «подстергать, подкарауливать (дичь, зверя)». Здесь прослеживается производящая основа *аң* со значением «зверь, дикое животное как предмет охоты, дичь». Ее мягкорядный вариант входит в состав др.-тюрк. *ең*

mej «добыча» и *eñlä= mejlä=* «отправляться на охоту». Восстанавливая тюркскую праформу этого слова в виде **añ*, составители «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [12, с. 417] показывают распространение этого слова по многим тюркским языкам, что свидетельствует о его связи с монгольской лексемой *ang*. На это же указывает и Э. В. Севортян: «Тюрк. *añ* формально и семантически гомогенно с монг. *ang* / *ан(г)* ‘зверь, дикое животное; дичь; охота’ [11, с. 152]. Здесь же он приводит монг. *angla-/angna-* «охотиться», а также тюркские формы *аңта-, аңда-, аңды-, аңду-* «поджидать, подстергать, находиться в засаде; выслеживать», среди них есть и *аңла- ~ аңда-* «охотиться» [11, с. 157–158], которые можно сопоставить с монг. *angla- / angna-*. Монгольские формы *aba* «облавная охота» и *abala-* «охотиться облавой» сопоставимы с др.-тюрк. *ab-av* «охота», *avla-, av avla-* «охотиться», *ab abla-* «устраивать облаву на зверей». Тюркские *av* «охота» и *авла-* «охотиться» представлены почти во всех тюркских языках, о чем свидетельствует Э. В. Севортян [11, с. 62–64], что говорит о связи с монг. *aba*.

К тюрко-монгольским параллелям следует отнести также монг. *toor* «ловчая сеть» и др.-тюрк. *tor-toor* «тенёта, сети». В форме *тор* со значениями «сеть, невод; сеть для ловли птиц, тенёта, силок» это слово представлено во многих тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [12, с. 419-420], где говорится также о связи этой тюркской лексемы с монг. *toor*. Здесь же восстанавливается ее тюркский архетип в форме **to:r*, но ставится под сомнение ее монгольское происхождение.

Монгольское *qabq-a* «капкан, ловушка» не этимологизируется на монгольской почве, зато во всех тюркских языках явно прослеживается общетюркский глагольный корень *qap-* «хватать, схватывать» (ср. др.-тюрк. *qap-* «хватать, захватывать») [11, с. 264], от которого при помощи тюркского аффикса *-yan/-qan/-an* образовано существительное *qarqan* «капкан, ловушка, силок». Э. В. Севортян пишет об этом: «Из производных *qan-* широко распространено имя со значением орудия действия, образованное афф. *-an//gan//гын...* Из тюрк. языков слово заимствовано в монгольские, о чем свидетельствует наличие производящей основы и характерной для тюрк. языков словообразовательной модели...» [11, с. 265].

Как можно видеть из сравнительно-исторического анализа пласта охотничьей лексики монгольских языков, включающего как названия объектов мясной охоты, так и орудий лова и различных способов и приемов добычи диких животных, в сопоставлении с тюркскими языками подтверждается тезис о том, что монгольские племена, искони населяя лесостепные и горно-таежные районы восточной части Центрально-Азиатского региона, активно вели охотничий образ жизни, добывая различных зверей и птиц, составлявших основу их питания. Продвинувшись на запад в центральные районы Центрально-Азиатского региона и столкнувшись здесь с тюркскими племенами и частично их ассимилировав, они переняли у них навыки ведения кочевого молочного скотоводства и выработанный ими опыт охоты на различных животных, преобладавших в данной местности. Как показал материал,

основным объектом мясной охоты были изюбри и маралы, а также кабаны. В степях стали активно охотиться на куланов (диких ослов) и джейранов. У тюрков монголы заимствовали способ ведения облавной охоты и широко стали применять капканы и ловушки, которые чем-то, видимо, отличались от их собственных, хотя они их тоже использовали. В то же время монголы сохраняют и свою традиционную, хорошо развитую терминологию, особенно ту, которая называет способы и приемы охоты, различные орудия лова, включая ловушки и силки. Таким образом, монгольская традиционная терминология значительно обогатилась за счет включения элементов тюркской терминологии.

Сокращения языков и говоров

агин. — агинский
алт. — алтайский
бурят. — бурятский
др.-тюрк. — древнетюркский
еравн. — еравнинский
закамн. — закаменский
лит. бурят. — литературный бурятский
калм. — калмыцкий
калм. (элюг.) — калмыцкий (элютский)
кирг. — киргизский
маньчж. — маньчжурский
монг. — монгольский
окин. — окинский
онон.-хамн. — ононско-хамниганский
стп.-монг. — старописьменный монгольский
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский
тунк. — тункинский
тюрк. — тюркский
узб. — узбекский
халха-монг. — халха-монгольский
хор. — хоринский
цонг. — цонгольский
чагат. — чагатайский
эвенк. — эвенкийский
эхир.-булаг. — эхирит-булагатский

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т 1: А–Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. — М.: Academia, 2001. — 486 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т 2: Д–О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. — М.: Academia, 2001. — 507 с.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т 3: Ё–Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. — М.: Academia, 2001. — 438 с.
4. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4: Х–Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. — М.: Academia, 2002. — 506 с.
5. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 295–328.
6. Дамдинов Д.-Н. Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров (Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР, вып. 2, сер. языковедческая). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — Вып. 2. — С. 74–117.
7. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
8. Калмыцко-русский словарь. — М.: Русский язык, 1977. — 765 с.

9. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам: пер. с польск. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — 373 с.
10. Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л.: Наука, 1972. — С. 104–151.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М.: Наука, 1974. — 767 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М.: Наука, 2001. — 822 с.
13. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Н. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. — 635 с.
14. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. — 707 с.
15. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 466 с.
16. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й». — М.: Наука, 1989. — 466 с.
17. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». — М.: Индрик, 2000. — 259 с.
18. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л–М–Н–П–С. — М.: Восточная лит-ра, 2003. — 446 с.
19. Strahlenberg Gh.J. Das nord und östliche Theil von Europa. Helsinki, 1730. — 106 p.

Turkic-Mongolian parallels in names of wild ungulate animals and hunting terminology in the Mongolic languages

Valentin I. Rassadin

DSc in Philology, Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Scientific Center for Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia

Svetlana M. Trofimova

DSc in Philology, Professor, Department of the Russian Language and General Linguistics, Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia

Bembzhav Tuvshintogs

PhD in Philology, Academic Secretary, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences
54a Zhukova Sq., Ulaanbaatar 210351, Mongolia

One of the most important sectors of Mongolian traditional economic activities is hunting for meat. To carry out the comparative historical analysis of hunting terminology we studied the terms of the modern Khalkha-Mongolian, Buryat and Kalmyk, as well as Old-Mongolian written languages, reflecting both the names of hunting objects, and the names of hunting weapons and methods. All the material of the Mongolian and Turkic languages was compared to identify the parallels in the terms; the etymological analysis of the revealed parallels was carried out. The research showed that the Mongol tribes, for a long time being engaged in hunting in their ancestral homeland, had developed a fairly extensive hunting terminology. It was preserved in their languages after they moved to the west and assimilated a part of the local Turkic tribes. Mongols took over from Turki not only skills of nomadic steppe cattle breeding, but also the

experience of hunting in the new geographical conditions. As a result the Mongolian traditional hunting terminology was enriched by some Turkic terms.

Keywords: the Mongolic languages, the Turkic languages, comparative historical analysis, hunting terminology, names of wild ungulate animals, forest animals, steppe animals, mountain animals, upland fowl, moorfowl, hunting weapons and methods.

References

1. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 v. Moscow: Academia Publ., 2001. V. 1. 486 p.
2. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 v. Moscow: Academia Publ., 2001. V. 2. 507 p.
3. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 v. Moscow: Academia Publ., 2001. V. 3. 438 p.
4. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 v. Moscow: Academia Publ., 2001. V. 4. 506 p.
5. Vladimirtsov B. Ya. Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [The Social System of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov — Works on the History and Ethnography of the Mongolian People*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. Pp. 295–328.
6. Damdinov D.-N. G. Etno-lingvisticheskii ocherk khamniganskogo govora [Ethnic and Linguistic Essay on Hamagan Dialect]. *Issledovanie buryatskikh govorov. Vyp. 2 (Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk BF SO AN SSSR, vypusk 2, seriya yazykovedcheskaya) — Research of Buryat Dialects. V. 2 (Proceedings of USSR AS Buryat Institute of Social Sciences, Issue 2, Series Linguistic)*. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1968. Pp. 74–117.
7. *Drevnyeturkskii slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 676 p.
8. *Kalmytsko-russkii slovar'* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1977. 765 p.
9. Kotvich V. L. *Issledovaniya po altaiskim yazykam* [Research on the Altaic Languages]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1962. 373 p. (Transl. from Polish).
10. Novikova K. A. Inoyazychnye elementy v tunguso-man'chzhurskoi leksike, odnosyashcheysya k zhivotnomu miru [Foreign-Language Elements in the Tungus-Manchu Vocabulary Related to Wildlife]. *Ocherki po sravnitel'noi leksikologii altaiskikh yazykov — Essays on Comparative Lexicology of the Altai Languages*. Leningrad: Nauka Publ., 1972. Pp. 104–151.
11. Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages (Common Turkic and InterTurkic Bases with Vowels)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 767 p.
12. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative and Historical Grammar of the Turkic Languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka Publ., 2001. 822 p.
13. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 v. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010. V. 1. 635 p.
14. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 v. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010. V. 2. 707 p.
15. Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [The Names of Domestic and Wild Animals in the Turkic Languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov — Historical Development of the Turkic Languages Vocabulary*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1961. Pp. 82–172. 466 p.
16. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Ж», «Й»* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and InterTurkic Bases with the Letters "Ж", "Ж", "Й"]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 292 p.
17. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «К»* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and InterTurkic Bases with the Letter «К»]. Moscow: Indrik Publ., 2000. 259 p.
18. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy Й-М-Н-П-С*. [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and InterTurkic Lexical Bases with the Letters Й-М-Н-П-С]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2003. 446 p.
19. Stralenberg Gh. J. *Das nord und östliche Theil von Europa*. Helsinki, 1730. 106 p. (German).